

Рижские католики и протестанты в середине XVIII в.

Екатерина Самыловская

Catholics and Protestants of Riga in the middle of the 18th century

Ekaterina Samylovskaya

(Saint Petersburg Mining University; Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870010786-5

Триумфальная победа Петра I в Северной войне повлекла за собой не только присоединение к России Прибалтики с таким мощным экономическим центром, как Рига, но и появление среди подданных молодой империи проживавших там иноверцев, чей правовой статус ещё предстояло установить. В то же время папский престол получил возможность хотя бы частично восстановить влияние в регионе, контроль за которым был утрачен более двух столетий назад.

В середине 1720-х гг. подавляющее большинство жителей Риги исповедовало протестантизм. Согласно докладом католических священников, их паства в городе насчитывала лишь 500 человек, но с апреля по ноябрь она более чем удваивалась за счёт литовцев, приезжавших из Речи Посполитой торговать. В первой половине 1730-х гг. в Риге и её предместье постоянно проживало около 600 католиков (не считая офицеров местного гарнизона), а весной—осенью — до 1 300. При этом в начале 1735 г., по данным рижского магистрата, среди них росло 149 младенцев¹.

До присоединения к России публичные католические богослужения в Риге были запрещены. Разрешалось лишь проводить за городом службы для прибывших торговцев-католиков в нанятом на время помещении или в палатке недалеко от Западной Двины². 4 июля 1710 г. эту практику гарантировали «Аккордные пункты, заключённые в лагере под Ригею между шляхетством и земством княжества Лифляндского и генерал-фельдмаршалом графом Шереметевым». В первом же из них принималось условие: «Чтоб как в земле, так и во всех городах, поныне в Лифляндии отправляемую евангельскую веру, по правилам неперменного Аугсбургскаго исповедания, и от той церкви по принятым Евангельским книгам без всякого вмешения, под каким бы оное предлогом учинено не было, чисто и непременно сохранять, всех обывателей земских и городских при том сильно и непременно защищать, и как при внутренней,

© 2020 г. Е.А. Самыловская

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries».

¹ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 3, 12 об.

² Там же, 1732 г., д. 1.

так и внешней церковной администрации издревле обыкновенных консисториев патронства без перемены вечно сохранять»³. Схожая норма имелась и в Ништадтском трактате 1721 г., согласно которому «в таких уступленных землях не имеет никакого принуждение в совести ведено быть; но паче евангелическая вера, кирхи и школы, и что к тому принадлежит, на таком основании на каком при последнем швейском правительстве были оставлены и содержаны»⁴.

Между тем данные гарантии вступали в противоречие с уже действовавшими в России правовыми актами. Так, появившийся 16 апреля 1702 г. манифест позволял свободное частное и публичное богослужение не только протестантов, но и католиков: «Буде же случится, что в каком-либо месте нашего государства или при наших армиях и гарнизонах не будет настоящего духовного чину, проповедника или церкви: то каждому позволено будет не токмо в доме своем, самому и с домашними своими, службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые желают у него собираться, чтобы по предписанию всеобщаго постановления христианских церквей единогласно возхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение»⁵. Регламент Государственной коммерц-коллегии, утверждённый 3 марта 1719 г., предписывал, «чтоб каждой иноземец, купец и корабельщик со своими людьми свободное отправление веры своей имел»⁶. К тому же высокопоставленные католики — рижский комендант А. Брилли, а с 1729 г. и губернатор (с 1740 г. — генерал-губернатор) П.П. Ласси — могли оказать содействие своим единоверцам. В результате, в Риге складывалась ситуация религиозного конфликта. В историографии, как отечественной, так и зарубежной, о нём в лучшем случае кратко упоминается⁷. Причём если материалы Ватиканского архива (документация Конгрегации пропаганды веры) использовались в работах Ю. Рейнхольда, то российские архивные фонды ещё только начинают исследоваться. Однако анализ противоречий, возникших в Риге после присоединения Остзейского края к Российской империи, важен для понимания особенностей конфессиональной политики самодержавия на окраинах в XVIII в.

В 1721 г. рижские католики получили возможность легализировать своё положение: учитывая потребности местного гарнизона, Пётр I разрешил устраивать богослужения в домах офицеров⁸. В марте по их прошению в Ригу из Петербурга был направлен францисканец о. Бонаventura Цижиньский⁹. В 1723 г. священник занял за городом в Ластадии (Латгальское предместье) целый дом, приспособив его для совершения мессы¹⁰. Вскоре энергичный миссионер начал служить и в центре города, сняв две комнаты в доме Г.Я. Брокгаузена на Сандштрассе и расположив в них церковь и ризницу. Таким образом, он раз-

³ ПСЗ-I. Т. 4. № 2279. С. 520.

⁴ Там же. Т. 6. № 3819. С. 425.

⁵ Там же. Т. 4. № 1910. С. 194.

⁶ Там же. Т. 5. № 3318. С. 675.

⁷ Андреев А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России в XVIII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. Т. 1. С. 131—132, 144; Андреев А.Н. Католик на русской службе Пётр Петрович Ласси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 41; Reinhold J. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. 1961. Vol. 54. S. 329—402; 1962. Vol. 55. S. 193—251.

⁸ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1732 г., д. 1, л. 5.

⁹ Там же. Прибалтийские католики находились в подчинении префекту францисканской миссии в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Там же, 1732 г., д. 1, л. 5 об.; 1735 г., д. 1, л. 4.

вернул свою деятельность буквально на глазах у магистрата, что не могло пройти безнаказанно и вызвало расследование и судебное разбирательство. Вдове Брокгаузена под угрозой крупного штрафа было запрещено сдавать помещения для публичных римско-католических служб. Её вместе с сыном призвали в суд, где выяснилось, что комнаты были предоставлены и убраны по прошению голландского купца Саанена и адъютанта Фрасера, а богослужения в их доме посещал комендант — генерал-майор Брилли. Тогда магистрат запретил о. Бонавентуре проводить там богослужения, а когда священник отказался выполнять данное требование, комнаты опечатали, приставив к ним двух солдат. Брилли с бранью выгнал этот караул из дома Брокгаузенев, однако сорвать печать не решился и предпочёл обратиться за помощью к рижскому генерал-губернатору кн. А.И. Репнину. Тому пришлось трижды обращаться к магистрату, напоминая о том, что действия о. Бонавентуры санкционированы Коллегией иностранных дел, и прося временно разрешить офицерам-католикам молиться на прежнем месте. Вместе с тем князь заверял, что не намерен посягать на привилегии города. Комнаты удалось ненадолго распечатать. Одновременно магистрат объявил о запрете на совершение мессы в пределах города, даже в частных домах¹¹. Вскоре о. Бонавентуре пришлось вернуться в предместье, а в 1725 г. и вовсе покинуть Лифляндию¹².

Эти решения, противоречившие манифесту 1702 г., не устраивали ни местных католиков, в первую очередь офицеров, ни префекта петербургской миссии, в 1728 г. направившего в Ригу двух священников — о. Стефано Николо да Фондо и о. Бенвенуто Брайних. Первый из них жил в городе и служил, нарушая постановление рижского магистрата, в доме Брилли, где собирались в основном местные немцы-католики. Второй жил в пригороде и окормлял торговцев из Речи Посполитой (в 1730 г. их сменили о. Фаустин Шиманьский и о. Килиан Кумайзер¹³). При этом миссионеры могли носить лишь светскую одежду, надевая во время богослужения только епитрахиль; на похоронах не дозволялись песнопения и громкое чтение молитв¹⁴. Несмотря на эти ограничения, магистрат в очередной раз уведомил патеров о запрете публичных служб. А поскольку священники игнорировали данные предписания, напряжённость в отношениях между местными лютеранами и католиками нарастала.

Тем временем префект петербургской миссии о. Микеланджело да Вестинье развернул энергичную деятельность. В 1730 г. он запросил у Конгрегации пропаганды веры двух священников, владеющих немецким и польским языками. Впрочем, в августе 1732 г. в Ригу прибыл один о. Иоанн Провин¹⁵. С 1731 г. префект добивался от Конгрегации обращения к гр. А.И. Остерману с просьбой о защите интересов петербургской миссии, обеспечении свободы религиозной деятельности в Риге и разрешении возвести там костёл. Однако в Риме тянули и направили соответствующее письмо лишь в ноябре 1732 г. Сам о. Микеланджело подал Анне Иоанновне прошение о дозволении одному или двум католическим священникам иметь в окрестностях Риги постоянно действующий храм, в котором можно было бы спокойно служить без какого-либо

¹¹ Там же, 1735 г., д. 1, л. 8 об., 10 об.—11.

¹² *Reinhold J.* Op. cit. Vol. 54. S. 335.

¹³ Ibid. S. 127, 130—131, 137, 139, 357.

¹⁴ Ibid. S. 352, 354.

¹⁵ Ibid. S. 137.

вмешательства магистрата¹⁶. Вскоре, не дожидаясь решения императрицы, на средства, полученные от двух купцов-католиков, а также Ласси и Брилли, за городом построили костёл. Во время мессы и проповеди верующие заполняли прилегавший к нему двор. Там же открылась школа для детей-католиков¹⁷. Но префект пошёл ещё дальше и приобрёл в центре Риги большой дом, где по воскресным и праздничным дням регулярно проводились богослужения на польском и немецком языках. Правда, под давлением магистрата уже в конце 1732 г. Ласси пришлось этот храм закрыть, и о. Иоанн Провин вновь переехал за город¹⁸. Тогда префект задумал ввести должность «странствующего миссионера», который три раза в год (во время Великого поста, после сбора урожая и на Рождество) посещал бы Пернау, Дерпт, Вольмар и Ригу, устраивая в домах католиков службы, произнося проповеди и принимая исповеди. Кроме того, о. Микеланджело рекомендовал учредить должность титулярного епископа, в обязанности которого входил бы надзор над всеми миссионерами в России. Однако миссионерская коллегия не поддержала эту инициативу, опасаясь недовольства православных и протестантов и осложнения взаимоотношений между Российской империей и Римской курией¹⁹.

В середине 1734 г. о. Иоанн Провин вновь переехал из предместья в Ригу и, несмотря на строгие требования магистрата, оттягивал свой выезд из города, ссылаясь сначала на болезнь, а потом на то, что служил в частном доме поляка М. Касакефа²⁰. Между тем ещё в январе 1734 г. его уличили в том, что «в дальней бане», находившейся в окрестностях города, он тайно венчал католика и лютеранку, не получившую на то разрешения своей матери. Поскольку прозелитизм был запрещён не только в протестантской Риге, но и по всей империи²¹, о случившемся сообщили в Петербург²². А 22 февраля 1735 г. появился манифест Анны Иоанновны, ужесточивший ответственность за религиозную пропаганду²³. И уже 21 апреля по указу императрицы за подписью кабинет-министров гр. А.И. Остермана и кн. А.М. Черкасского о. Иоанна выслали из Риги, подтвердив недопустимость совершения католического богослужения в городе²⁴.

Новый префект петербургской католической миссии о. Карло да Лука попытался заручиться поддержкой австрийского и польского дворов. 7 января 1736 г. Август III даже отправил Анне Иоанновне письмо, прося отменить апрельский указ. Результатом ходатайств стало распоряжение о выделении для проведения католических обрядов участка в предместье Риги, что позволило возобновить деятельность францисканцев. Туда был отправлен о. Стефано Николо да Фондо, уже знакомый с особенностью данной миссии²⁵.

Позиции рижских католиков ослабляло то, что их покровители из числа офицеров во главе с Ласси с 1733 г. постоянно находились в Польше, в Рейнском походе, затем на театрах русско-турецкой войны 1735—1739 гг.

¹⁶ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1732 г., д. 1, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 5; *Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 356.*

¹⁸ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 12. По-видимому, это был дом полковника Финка.

¹⁹ *Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 137, 356—358, 371—272.*

²⁰ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 12 об.

²¹ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 25 об.; ПСЗ-I. Т. 8. № 5333. С. 100.

²² АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 14—14 об.

²³ ПСЗ-I. Т. 9. № 6693. С. 482.

²⁴ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 19.

²⁵ *Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 384—385.*

В их отсутствие о. Стефано приходилось действовать практически полуподпольно²⁶. В 1737 г. он скоропостижно скончался. Найти нового патера в Петербурге оказалось не так просто, чем воспользовались иезуиты, приславшие свою миссию. К тому времени в доме госпожи Ласси уже жил иезуит о. Иоганн Бер, прибывший из Курляндии. Он ежедневно служил там мессу и занимался обучением детей²⁷. Видимо, именно он, опираясь на губернаторскую семью, и предъявил права на рижскую миссию. Иезуитская коллегия в Митаве сразу же начала борьбу за неё, ссылаясь на наличие у себя столетнего опыта пасторской работы в Ливонии и знание литовского и латышского языков, которыми францисканцы должным образом не владели. Не желая провоцировать эскалацию конфликта между орденами, о. Карло в декабре 1738 г. решил отказаться от рижской миссии²⁸.

По возвращении офицеров-католиков с русско-шведской войны 1741—1743 гг. иезуиты «под званием капелланов» генерал-фельдмаршала Ласси организовали публичные богослужения в самой Риге²⁹. Теперь уже магистрат вынужден был уступать, дабы не портить отношения с генерал-губернатором Лифляндии³⁰. Только смерть Ласси 19 апреля 1751 г. изменила расстановку сил. Без мощной административной поддержки иезуиты не смогли удержаться в протестантской среде. 30 июня 1753 г. их выслали из города, а костёл запечатали³¹.

Неудивительно, что в сложившейся ситуации возобновила активность петербургская францисканская миссия, которой уже руководил энергичный о. Антонио да Торино. В августе—сентябре 1753 г. он искал заступничества у канцлера гр. А.П. Бестужева-Рюмина, у вице-канцлера гр. М.И. Воронцова и у самой Елизаветы Петровны, напоминая им про манифесты и указы Петра I и Анны Иоанновны³² и уговаривая согласиться на возвращение францисканской миссии в Ригу³³. Одновременно префект продолжал интриговать против своих соперников в Петербурге — о. Сабиниана Поффа, пользовавшегося уважением при Дворе, и о. Гелазия Фёдерля, которому симпатизировал гр. Воронцов³⁴. В феврале 1755 г., получив из Конгрегации пропаганды веры постановление об отставке и возвращаясь в австрийскую реформатскую (францисканскую) провинцию, о. Гелазий по пути заехал в Ригу. Местные католики, давно уже оставшиеся без священников, попросили его задержаться и взять на себя заботу о них. Судя по всему, благодаря поддержке офицеров гарнизона, миссионер остался и стал служить в предместье города без официального разрешения на то петербургской префектуры. Более того, имея в своём распоряжении 2 тыс. руб., вывезенные из Петербурга, он арендовал у протестантов дом и переделал его под капеллу. Несмотря на сложные взаимоотношения, префект не стал ему мешать, понимая важность закрепления францисканцев в Риге. Со своей стороны, Фёдерль с конца 1755 г. дважды просил Конгрегацию прислать ещё

²⁶ Ibid. S. 387.

²⁷ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 1, 6.

²⁸ Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 385—386.

²⁹ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1753 г., д. 1, л. 7 об.

³⁰ Андреев А.Н. Католик на русской службе... С. 42.

³¹ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1753 г., д. 1, л. 1, 6.

³² Там же, л. 3—5.

³³ Там же, л. 6—8.

³⁴ Подробнее см.: Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 121.

одного священника, владеющего польским языком, для окормления паствы, прибывающей в весенне-осенний период. Однако желанный помощник появился у него только в конце 1756 г.³⁵ И в том же году католикам разрешили совершать в Риге публичные богослужения³⁶.

Характерно, что решающую роль в возникшем в Риге противостоянии играли лютеранский магистрат и военная администрация, состоявшая преимущественно из католиков. Римско-католическое духовенство, формально имевшее право свободно и беспрепятственно окормлять свою паству, на деле находилось в подчинённом и крайне уязвимом положении, завися от усмотрений и распоряжений местных и центральных властей. Петербургские сановники относились к его просьбам равнодушно и даже небрежно. «Польский вопрос» и «католический фактор» ещё не выросли в значимую и болезненную для империи проблему, а конфессиональные противоречия лишь помогали контролировать подданных и управлять ими.

³⁵ Reinhold J. Op. cit. Vol. 55. S. 198—199.

³⁶ Андреев А.Н. Западно-христианские вероисповедания... Т. 1. С. 144.